

ГРИГОРИЙ МАЛЬЦЕВ – ХУДОЖНИК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Об этом художнике в Астрахани ходят легенды. Никто не знает ничего определенного, но предполагают то одно, то другое. Почти все сходятся во мнении, что пропал он без вести на фронтах Первой мировой войны. Достоверно известно лишь, что учился он какое-то время у Павла Алексеевича Власова¹, астраханского художника, приехавшего в наш город в 1894 году после окончания Петербургской Академии художеств, а затем открывшего здесь художественную студию. Бесспорно, что был этот легендарный художник талантлив: в экспозиции Астраханской картинной галереи находятся две его большие и очень разные работы – яркое, темпераментно написанное полотно «Понизовая вольница», носящее скорее эскизный характер, и вполне завершенное – «Киргизы на молитве».

*Экспозиция Астраханской
картинной галереи с работой
Г. Мальцева «Понизовая вольница»*

Те, кто бывали в галерее, помнят имя написавшего их художника – Григорий Павлович Мальцев. Долгие годы пытались сотрудники

галереи найти хоть какие-то сведения об этом живописце – все было напрасно. Ни архив, ни воспоминания тех астраханских художников, которые тоже учились у Власова, не вносили ясности. И вот в галерею пришло письмо из Италии от Варвары Григорьевны Мальцевой, дочери разыскиваемого нами художника! Живет она в Риме, в России не была, но каким-то чудом узнала, что в Астрахани, в галерее, хранятся полотна ее отца, просит фотографию. Завязалась переписка. Теперь мы знаем, как складывалась

*Дочери Г. Мальцева. Рим. 2003 год. Фото из Арх. семьи Мальцевых.
Публикуется впервые*

судьба Григория Павловича и как не похожа она на легенду, связанную с его именем.

Итак, родился будущий художник Григорий Мальцев в 1881 году в Талашманове, недалеко от Нижнего Новгорода. Его отец, заранее выбравший для сына профессию, видел его учащимся речного училища. Но, как пишет дочь художника, Мальцев «с первых дней начал рисовать все и всех окружающих». Это было похоже на страсть. О талантливом мальчике узнала семья Нобелей, богатых судовладельцев, и, как это было принято в дореволюционной России, решила помочь. После окончания речного училища Мальцев начал готовиться к вступительным экзаменам в Петербургскую Академию художеств. Вероятно, тогда он и занимался в студии Власова, давшего будущему художнику не только профессиональные знания, но и привившего любовь к нелегкому труду живописца. Это было в 1900–1901 годах. Сохранился каталог небольшой выставки астраханских художников, входивших в Художественный кружок, созданный П. А. Власовым. Выставка состоя-

лась в 1900 году, и среди участников мы находим имя Г. Мальцева, показавшего пейзаж «Николаевский мост». А в 1902 году «не без трудностей» Григорий Мальцев поступает в Академию. Учиться в Петербурге ему было нелегко, так как материальной поддержки не было: сведений о помощи Нобелей в этот период нет, а отец помогать просто отказался. И пришлось Мальцеву пройти обычный путь студента российской Академии: он работал ретушером, писал детские портреты. Само учение давалось ему легко: об этом свидетельствуют награды, которые Мальцев получал на протяжении всех лет обучения. Так, за картину «Петр Великий в Астрахани в 1711 году» он получил второй приз. Также была оценена его следующая работа «Татарское иго в России в XIII веке», а за хранящуюся в Астраханской картинной галерее картину «Понизовая вольница» («Казачи на Волге») Григорий Павлович получает первый приз. Для выпускного экзамена в 1913 году он пишет большое полотно «Митрополит Алексей исцеляет от слепоты ханшу Тайдуллу в Золотой орде». В автобиографии, написанной Мальцевым в 1951 году, художник вспоминает: «Приближался срок окончания моего пребывания в Академии, получения диплома и моего участия в окончательном конкурсе «При де Ром». Я не боялся моих конкурентов, но все-таки стал готовиться как можно тщательнее. Конкурсный сюжет был свободный. Бывая часто в Астрахани, я

*Мальцев, студент речного училища, с отцом и дедом. Нижний Новгород.
Фото из Арх. семьи Мальцевых.
Публикуется впервые*

Конкурсный сюжет был свободный. Бывая часто в Астрахани, я

имел возможность изучить азиатские типы людей: татар, калмыков, киргизов. Решил выбрать сюжет «Святой Митрополит Алексей в татарской Орде». Мне удалось изучить тщательно историю, но чтобы собрать необходимый материал, я должен был поехать киргизскую степь. Губернатор Астрахани Соколовский снабдил меня необходимыми документами, и в 1912 году я прибыл к султану Шах Джангуру и его жене Зое Гиреевне; они очень любезно дали мне возможность писать мною выбранные сюжеты». По всей вероятности, во время этой поездки в астраханские степи был собран подготовительный материал и для полотна «Киргизы на молитве», приобретенного в то же самое время (в 1912–1913 годах) коллекционером Отто Яковлевичем Виблингером. Австрийский подданный, представитель торговой фирмы в Астрахани, он был не только хорошо знаком с местными художниками и собирателями, но и сам обладал интересной и сложной по составу коллекцией. Иногда Виблингер заказывал художникам, связанным с Астраханью, специальные произведения или приобретал уже готовые полотна. Его коллекция была национализирована в 1918 году, и работа Г. Мальцева «Киргизы на молитве», приобретенная когда-то Виблингером, стала частью фондов Астраханской Государственной картинной галереи.

К осени работа над дипломом была завершена: «четвертого ноября 1913 года, – пишет Мальцев, – я выставил картину на конкурс». За это полотно, оцененное очень высоко, он удостоивается звания художника и направляется за границу, в Италию, «для дальнейшего усовершенствования». Практика заграничных поездок была введена в Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств с первых лет ее деятельности. С 1893–1894 годов право на продолжение обучения за границей определялось закрытым голосованием на ежегодных «осенних выставках». Сроки пенсионерства и суммы содержания были различны в разные периоды, но неизменно каждый пенсионер получал индивидуальное задание Совета Императорской Академии художеств. Живописцы к концу первого года представляли копии с рекомендованных Сове-

том картин старых мастеров, а к завершению срока – одну или две самостоятельные композиции на утвержденные темы. Все этюды, наброски, фотографии подготовительных этапов работы, дневниковые записи о художественных впечатлениях отправлялись в Академию. Если обязанности не выполнялись, художник лишался денежного содержания. Кроме того, весь указанный срок он обязан был проживать за границей, осматривая художественные достопримечательности, архитектурные памятники, археологические раскопки в Италии, и знакомиться с собраниями крупнейших музеев Европы.

*Художник Г. Мальцев. 1914–1915 гг.
Фото из Арх. семьи Мальцевых.
Публикуется впервые*

Последние годы учебы в Академии Мальцев занимался в мастерской профессора-руководителя Василия Евменьевича Савинского², ближайшего и любимейшего ученика П. П. Чистякова, во многом продолжившего его систему преподавания. Одаренный педагог, он выработал свой метод, основной принцип которого заключался в том, «что художник должен приобрести в школе те знания, которые способны ему помочь формулировать в образах изобразительного искусства свое отношение к окружающей действительности и понимание ее». Он приучал своих студентов «высказываться в образах, насыщенных идеями, обладающими общечеловеческой значимостью». Огромное значение Савинский придавал постоянному и очень тесному общению с учащимися своей мастерской, которое часто перерастало во что-то большее, связывая учителя и ученика на годы. Примером тому могут служить пись-

ма Г. Мальцева, отправленные им в 1914–1922 годах из Италии в Россию, в Академию художеств, профессору В. Е. Савинскому. Охватывая почти десятилетие, они позволяют нам ощутить напряженный драматизм эпохи. Но все же главным в них является возможность проследить на этом фоне становление личности художника, процесс рождения и созревания его художественных замыслов, соприкоснуться с миром радостей и надежд, тревог и разочарований молодого художника. Кроме того, эти письма рассказывают о жизни пенсионеров за пределами Родины в один из самых сложных периодов истории России, об отношениях и связях, которые складывались между выпускниками Императорской Академии художеств и ее преподавателями.

Письма Мальцева, отправленные в 1914–1922 годах из Италии в Петербург-Петроград и адресованные в Академию художеств, профессору В. Е. Савинскому, хранятся сегодня в Отделе рукописей Государственного Русского Музея, (Ф.114, ед. хр. 67, листы 3–26). Письма печатаются впервые, с разрешения ГРМ, и располагаются в хронологическом порядке. Поскольку все они обращены к одному человеку, Василию Евменьевичу Савинскому, фамилию адресата перед каждым письмом мы решили не повторять.

1914 год

Глубокоуважаемый Василий Евменьевич!

Шлю мой поклон Вам из Рима, живу здесь вторую неделю. Тепло, лето настоящее, зелень, цветы, солнца масса. До сих пор не нашел мастерской себе, подожду до июня, июля, когда живописцы оставляют свои студии на лето, а сами уезжают.

Хотелось бы писать на воздухе под открытым небом, а потому, может быть, поеду на лето на Капри. Сюжет еще не выбрал, да и некогда было. Такая масса впечатлений с января, что едва разобрался. Когда придет время заняться картиной, то сообщу Вам подробно и о сюжете, и о трактовке его и, как условились, приложу к

письму эскиз-схему. Теперь я коротко расскажу Вам мое путешествие до Рима: из Петербурга я выехал в конце января, до Берлина, где пробыл 12 дней и оттуда увез дивные впечатления о старых мастерах в Музее Фридриха³. В Дрездене я себя почувствовал необыкновенно счастливым человеком под впечатлением знаменитой галереи, счастливым потому, что могу видеть ее (галерею) и насмотреться досыта. В Мюнхене уж не то, уехал без особенных впечатлений о галереях. Поздней ночью приехал я в первый город Италии Верону, а другой день и все следующие моего пребывания в Вероне не выходят из головы и по сие время – не город, а поэзия. Охотно бы стал жить и работать в Вероне, а не в Риме. Вода в реке, что протекает среди города, по цвету напоминает колорит П. Веронезе. Исходил Верону всю вдоль и поперек и распрощался (не навсегда). Около недели пробыл в Венеции, потом Флоренция (с окрестностями) и Рим. Получил бесплатно билеты для посещения Музеев и галерей правительственных и Ватикана. У Бакаловича⁴ еще не был. Мастерских почти нет, теперь не время подыскивать, а потому не работаю пока. Читаю Библию и наверное сюжет возьму оттуда, в библейском сюжете я буду более искренен, чем в римском. До следующего письма. Желаю Вам здоровья. Адрес мой: Roma, Via Margutta № 7 Pascalini G. Maltzeff.

Шлет поклон Вам жена моя. С уважением, Г. Мальцев. 3 апреля н. /ст. 1914 г.

Многоуважаемый Василий Евменьевич!

Пишу Вам второе письмо. Первое писал из Рима. Теперь – с Капри. На Капри думаю пробыть до августа, а потом в Рим, на «зимнюю квартиру». Здесь, на Капри, я нашел подходящий пейзаж для задуманной картины. Пейзаж не роскошной растительности, какова она здесь, на Капри, а каменистого, сурового берега. Как жаль, что так далеко Вы, в письме трудно высказать хаос мыслей, а сомнений опять много. Сюжет беру из Библии, когда Бог в наказание за беззаконие народа иудейского послал на страну го-

лод, то пророку Илии, в то время жившему, повелел идти к потоку Хорафу; Илия пребывал там во время голода в стране: «И ВОРОНЫ ПРИНОСИЛИ ЕМУ ХЛЕБ И МЯСО ПО УТРУ, И ХЛЕБ И МЯСО ПО ВЕЧЕРУ, ИЗ ПОТОКА ОН ПИЛ». (Книга Царств, глава 18.) Представляю себе мысленно так: среди каменистого пейзажа, на берегу потока, сидит на камне, опершись на камень тоже, фигура пророка, движения, экспрессия рук, головы должны выражать собою грусть, даже отчаяние: сколько раз он предупреждал народ от беззакония, а ни народ, ни цари не слушались его, устами которого говорил Бог. Теперь народ переживает бедствие, а Илия печальник за народ свой. Вороны, сумерки вечерние, пустынность – все это должно дать известное настроение. Фигура пророка вся погружена в себя, он не видит воронов. Задача, как будто, по силам; одна, собственно, фигура. Я буду просить Вас высказать Ваше мнение относительно и сюжета, и трактовки его, и хорошо ли, что из страны радости я пришлю такой суровый, даже мрачный сюжет? ЭТО ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ СОМНЕНИЙ У МЕНЯ. На Капри я имею очень большую комнату с отдельной террасой, т. что натурю довольно удобно писать на воздухе. Тип есть, старик итальянец, словно библейский с правильными чертами лица, крупный и с длинными до плеч серо-седыми волосами. Буду ждать от Вас письма. Адрес: Италия, Capri «Hotel Central» pittore Gregorio Maltzeff.

Я и жена моя шлем Вам наш поклон и пожелания доброго здоровья.

С уважением, Г. Мальцев. Capri. 7/V-1914.

Открытка с эскизом «Илии».

Если против сюжета Вы, Василий Евменьевич, ничего не будете иметь, то потом пошлю большой эскиз Вам. Пока – схема.

Локоть левой руки оперся на камень, кисть обхватила лоб. Направо – черные вороны. Пока что хотелось бы, чтоб об этом моем сюжете знали только Вы. Красноватая верхняя одежда «милоть» лежит на камне, на нее он поставил локоть левой руки. Одежда БЕЛАЯ; верхняя, известная «милоть», которую он мог потом сбросить Елисею, своему последователю – цвета красно-желтого, под локтем.

Открытка не датирована. (Примечание – автор публикации)

1914 г. Июнь–июль. Capri.

Многоуважаемый Василий Евменьевич!

Вот уже скоро месяц как я послал Вам последнее письмо, на которое очень просил ответить, но ответа нет. Письмо было послано заказным, и получить Вы его должны бы; в письме я сообщал Вам о моем сюжете, которым сейчас занят, и приложил маленький конспект – эскиз. На эскизе был изображен пророк Илия, сидящий у камня в пустыне, у потока Хорафа; Библия, книга Царств, глав. 18... «И вороны приносили ему хлеб и мясо по утру, хлеб и мясо по вечеру...» С тех пор как я послал Вам эскиз, я сюжет этот обдумывал и изменил: теперь фигура стоит, а не сидит, как ранее. Все время пишу и рисую (в дурную погоду) голову старика, пейзаж и фигуру не начинал еще. Буду ждать от Вас письма и попрошу Вас послать не простым, а заказным. Адрес мой: Capri, Италия, Hotel Central pittore G. Maltzeff. Шлем Вам наш поклон из прекрасной Италии и желаем доброго здоровья. Г. И. Мар. Мальцев.

1914 г. Рим. 4 августа нов./ст.

Глубокоуважаемый Василий Евменьевич!

Ваше письмо, адресованное на Капри, получил своевременно. Очень рад, что картину нужно через 2 года, а не через год, как

это ошибочно сказано в инструкции. Ошибку эту мне разъяснил Тихов⁵, пенсионер из мастерской Маковского, который живет в Париже и с которым я переписывался по этому поводу. Тихов получил такую же инструкцию, как и я, т. е. что первую картину надо представить через год, тогда он обратился с запросом в Академию, где и выяснилась ошибка. 2-го августа по нов. ст. я переехал с Капри в Рим в надежде найти мастерскую. Теперь переживаем страшное время, и боюсь снимать студию, т. к. денег имею немного, а когда придут деньги из России, да и придут ли – не известно; как бы, в случае если Италия тоже примет участие в войне, не пришлось бы вернуться в Россию, или бог знает куда.

Сегодня на удачу послал письмо в хозяйственный комитет относительно денег. Дойдет ли письмо – не известно?

Я просил переслать мне содержание в Рим, на Российское генеральное консульство и сообщил, что постоянное мое местожительство имею в Риме. Если случится так, что мое письмо в хозяйственный комитет Академии НЕ ДОЙДЕТ, то покорнейше прошу Вас, Василий Евменьевич, напомнить обо мне, адрес мой Вы знаете. Какая масса русских путешественников, очутившихся в ужасном, в беспомощном положении: обратные билеты через Австрию потеряли силу, а денег больше нет, чтоб ехать через Константинополь, этот единственный теперь путь! С одной сотней франков сидит теперь в Риме пенсионер Академии архитектор Ковальский⁶ на неопределенное, конечно, время. Мое положение, кажется, одно из лучших, т. к. на Капри жена сама готовила обед, и таким образом мы очень сэкономили; в случае чего-либо я мог бы просуществовать 2–3 месяца на средства, которыми располагаю теперь. Относительно студии не знаю, как в Ваше время, а теперь римские студии верх безобразия и дороговизны, это или ... (неразборчиво) или (каких в Риме не много) довольно сносные в смысле удобства для работы, но безумно дороги, все же порядочное и недорогое переходит из рук в руки у местных художников-старожилов и итальянцев. Бакалович – бедный, больной старик – работает в студии сырой, как могила, а это вполне «свой»,

акклиматизировавшийся художник. Пока заканчиваю мое спешное письмо, напишу потом о деле, а пока я и жена шлем вам привет и лучшие пожелания. Г. Мальцев.

Адрес мой: Италия, Roma, Via Margutta № 7 Pasqualini G.Maltzeff.

Приписка: Был я у отца Флерова⁷ – отличное впечатление. Несокрушимый русский дух живет в нем, словно всю Русь разом видишь, глядя на него. Вам поклон шлет.

Рим. 6/VIII – 1914.

Глубокоуважаемый Василий Евменьевич!

Я недавно послал на Ваше имя заказное письмо и на случай, если оно не дошло по адресу, что теперь весьма возможно, посылаю Вам это с русским человеком – Г-ж (ой) Антоновой,⁸ окончившей Академию художеств и которая едет теперь с последним пароходом из Бриндизи в Константинополь и оттуда в Россию. В Риме остаются только те русские, которые связаны каким-либо делом. Из пенсионеров Академии художеств нас двое: архитектор Ковальский (супруг г-жи Антоновой) и я с женой. Если мы не получим из Академии распоряжения возвратиться в Россию, то очень охотно останемся в Риме, где итальянцы отлично относятся к русским и очень враждебно к немцам. Денег я имею на 2–3 месяца, а может быть, протяну и дольше и на днях снимаю мастерскую и буду начинать картину. Рим очень нравится, не так, как в начале. Обзаводясь студией, обстановкой и прочим, я рискую, конечно, все это потерять в том случае, если Академия откажет в содержании и вызовет обратно в Россию, но с другой стороны, жить в комнате и не иметь возможности работать на неопределенный срок – тоже не могу, и решил рискнуть всем тем, что имею, так как вообще теперь рискуют многие в это исключительно необыкновенное время. Дня 3–4 назад в Российском генеральном консульстве в Риме была получена телеграмма от секретаря Академии ху-

дожеств г-на Лобойкова. Он спрашивал, какие пенсионеры в данное время находятся в Риме, на что получил ответ: Ковальский архитектор и живописец Мальцев. Одновременно с заказным письмом, что послал Вам, перед этим – я послал заказное же в хозяйственный комитет Академии художеств с просьбой послать мне пенсионерское содержание в Рим на случай, если оно не дошло, я прилагаю здесь другой экземпляр его, который очень прошу, в случае надобности передать по адресу. Сегодня я был в Консульстве, где г-н Забелло, консул римский, сказал, что нам, пенсионерам, как и всем русским, посланным за границу по делу, выезжать надо не раньше, когда потребуют. Боюсь, как бы не потребовали. Из России не имеем никаких сведений или если и имеем, то не заслуживающие доверия, т. к. большей частью из немецких источников. Прощаюсь с Вами на неопределенный срок, т. к. наверное, самые дальновидные политики не могут сказать, что может быть впереди, хотя бы в скором времени. Я и жена желаем Вам доброе здоровье и всего хорошего.

Г. Мальцев.

Глубокоуважаемый Василий Евменьевич!

Вскоре после того, как я послал Вам мое последнее письмо, перебрался в собственную студию, которую не без труда нашел в очень хорошей местности Рима, в 5 минутах ходу от «Villa Borghese»: Vicolo di S. Nicolo da Tolentino.

Студия не блещет размером, несколько уже конкурентских в Академии, но не короче их; верхний свет и боковой, освещение приятное, не резкое. Первое время я решил работать натуру, да и не мог иначе, когда увидел интересные модели при эффектном освещении; первые работы – портреты женские и мужские, работал долго и упорно, все хотелось как можно законченнее сделать, но законченность получилась в смысле деталей, а не «общего»; «первые блины комом». Натуру пишу весь день, т. е. с 8 ч. утра до 12 и с 2–5, стоит это довольно дорого, но содержания хватает благода-

ря жене, которая очень экономно ведет наше собственное хозяйство сама. Как ни хороши черноокие «fancilli», а скоро надо будет начинать картину. Какая прелесть Рим осенью! Тепло, дождь и опять тепло, воздух чистый-чистый, все больше и больше начинаю любить Рим, а первое время не очень-то пленил он меня. Симпатии итальянцев всецело на стороне русских, и все очень ненавидят немцев. Итальянский язык я знаю только необходимое для жизни, жена же далеко оставила меня позади, у нее и память, и догадка, да и практика большая по хозяйству. Студию я получил совершенно пустую, т. что пришлось заводить всю обстановку. Накупил драпировок, манекен, и скоро студия будет похожа на мою конкурентскую мастерскую в Академии. Как интересно знать, как дела у товарищей конкурентов? Я не знаю, дойдет ли письмо из России в Рим, отсюда же я посылаю при посредстве русского консульства, с курьером. Я и жена шлем Вам наши лучшие пожелания и доброго здоровья – Вам желаем. Г. Мальцев.

Рим. 20-е/3 ноября 1914 г.

P. S. Здесь в Риме пенсионеров нас трое; от Кардовского⁹ - Яковлев¹⁰ и архитектор (Ковальский ?).

Внизу приписка карандашом:

«Григорий Павлович, Мария Фроловна Азарова¹¹».

Рим. 26 декабря ст./с. 1914.

Дорогой Василий Евменьевич!

Как был я обрадован, когда прочел в газете «День» (5 ноября) о посылке за границу Степашкина¹². Дай Бог ему успехов! До сих пор я не знаю о судьбе других конкурентов нашей мастерской и не знаю, какую картину писал Степашкин, так как о конкурсной выставке в этих 3-х русских газетах, которые получают в Риме, ничего не писали, только случайно видел снимки с картины Евреинова и Левандовского. О себе могу сказать Вам, что также мучаюсь, как и на прошлом конкурсе. Разрабатываю теперь еще один

сюжет (кроме пророка Илии), сюжет этот навеян римским форумом: средневековый поэт Петрарка, будучи уже известным поэтом, еще ни разу не видел Рима, руины которого он, как патриот, очень хотел видеть. 1337 год был год, когда Петрарка прибыл в Рим. В истории говорится, что Петрарка целыми днями бродил по руинам славного города и что его сопровождали знатные гранды (из семьи Колонна). Портрет Петрарки имею, беру уголок форума (средневекового). Форум представлял из себя коровье пастбище и был усеян мраморными обломками и колоннами. Фигура Петрарки отдельно впереди (смотрит на обломки мрамора, где видна еще латинская надпись или отдельные буквы: SENATYS PO...), сзади группа из двух фигур сопровождающих и обломки лежащей гигантской мраморной колонны; фон – старая кирпичная стена, вся заросшая и с темным зияющим сводом, на фоне которого более светлая фигура поэта, сзади стоящая группа на фоне пространства, на котором видны оставшиеся колонны (вдали), освещенные слабо заходящим солнцем, между колонн для контраста и не вопреки исторической правде «пушу» несколько коров. Очень прошу Вас высказаться относительно этого сюжета, как только получите это мое письмо. Я и жена шлем Вам наши лучшие пожелания и поздравления с Новым годом. Передайте поклон моим товарищам по мастерской. Жду от Вас письма.

С уважением, Г. Мальцев.

1915 год

Рим. 6 апреля по ст. 1915 г.

Дорогой Василий Евменьевич!

Скоро год как не имею от Вас ни черточки. Как Вы здоровы, должно быть очень заняты? Последнее письмо мое было послано Вам в январе с/г. со знакомым человеком, который ехал из Рима в Петроград; тогда я только что задумал сюжет для картины и мик-

роскопический эскизик ее послал Вам в письме, а через 2-3 недели я раскаялся, что послал эскиз Вам, т. как нашел другой сюжет, более по душе и который разрабатывал зиму и часть весны; пишу теперь этюды для картины, рисунки частью готовы и к ноябрю надеюсь закончить большой холст. Не буду Вас беспокоить моими многочисленными сюжетами, а в середине лета, как только картина выяснится, так я и пошлю Вам большой (не микроскопический) эскиз, я теперь пока скажу только, что сюжет, на который пишу, легенда первых веков христианства, Рим, IV век, «Св. Агния»¹³ (...Agnes), катакомба которой, если помните, находится по Via Nomentana за Porte Pia. Работа идет, и сюжет интересует все время. Хотелось бы мне знать, где-то теперь Степашкин, или хоть куда можно писать ему? Как работают товарищи по мастерской, как часто вспоминаю их и мастерскую. Здесь художники притихли по случаю войны – немцев нет и французов, только несколько итальянцев и англичан, русских трое со мной. Войны, может быть, еще и не будет в Италии, а хлеб едим уже военный с марта нов. ст. Прошу передать мой поклон Павлу Петровичу. Я и жена шлем Вам наши лучшие пожелания; был бы рад получить от Вас весточку, а то что-то загрустил о России. Вам преданный Г. Мальцев. Адрес мой: Италия, Roma Violo S Nicolo da Jolentino №13 Studio di Pittore Gregorio Maltzeff.

Это письмо надеюсь послать тоже с оказией. Г. М.

Рим. 14 октября 1915 г.

Дорогой Василий Евменьевич!

Как быстро пролетели для меня два заграничных года! Словно вчера из России; не знаю, получили ли Вы мои письма, где я писал Вам о моей картине; я в первый раз писал на религиозную тему: «Св. Агнесса». После мученической смерти является в виде-

ниях своим (родн.) родителям. Всю весну и лето, которое все провел для /из-за/ картины в Риме, /картина/ не удавалась, и не удовлетворяла меня работа, и я упорствовал и начинал работу с 6 часов утра и весь день до вечера. Только в последний месяц картина стала походить на картину, а к первым числам ноября с/г можно будет поставить на ней точку. (Внешнее картина) Первое впечатление от нее очень слабо, но душевные переживания фигур, как говорят здесь, схвачены. Десятого ноября Я ПОШЛЮ ВАМ ФОТОГРАФИЮ с картины и прошу Вас, если будет НУЖНО ДЛЯ ОТЧЕТА ДАТЬ ЕЕ В АКАДЕМИЮ. Не знаю, продлят мне мою командировку еще на остальные два года или нет, но я на свой страх и риск остаюсь в Риме, несмотря на то, что денег у меня только до января. Моя КАРТИНА ДОВОЛЬНО СОЛИДНЫХ РАЗМЕРОВ, и перевезти ее в Россию, теперь, в военное время, очень рискованно и не по средствам, а самому ехать без картины не имеет смысла. Мой товарищ по «загранице» А. Яковлев (мастерская Кардовского) на днях едет в Россию и везет с собой свои работы и картину. К сожалению, служить примером мне не может Яковлев, потому что его картина небольших размеров и, во-вторых, дороговизна дороги для него не играет роли. Во всяком случае, если будет нужно, прошу Вашего заступничества перед Академией. Буду ждать от Вас письма, а может быть, и каких-либо инструкций. Желаю Вам хороший «конкурс» 4-е ноября. Я и моя жена шлем наши лучшие пожелания. Еще раз очень и очень прошу Вас написать мне, как только получите это письмо. Преданный Вам Г. Мальцев. Адрес мой: Италия, Roma, Corso Umberto I № 4 studia.

P. S. Моя студия лучшая в Риме в доме principe Borghese в начале Corso около piazza del popolo, огромное окно выходит на ринцио и почти на одном с ним уровне, огромная, еще больше, чем студия, терраса; студия взята по контракту до сентября будущего года на мой риск, если не продлят мне поездку. Г. М.

1922 год

22 января 1922 года.

Глубокоуважаемый Василий Евменьевич!

Совершенно не знаю, где Вас найдет письмо мое, и пишу по старому адресу Вам – авось... Весной, в марте, 8 лет будет, как я в Италии, голода не чувствовал еще, но предпочел бы голодать, лишь бы снова быть на родине, в России. Давно бы и был уже я в России, но у меня 2-е детей: девочк(а) 5 S и мальчик 3 S года – вот из-за них все жил, ждал удобн(ого) момента возвратиться в Россию. Теперь так тошно, такая тоска по России, что решил весной или летом ехать из Италии сначала в Петроград, а если будет можно, на Волгу. Откликнитесь, если дойдет письмо это до Вас. Я напишу Вам большое, подробное письмо, попрошу Вас очень кое о чем, сообщить мне сведения, необходимые для моего возвращения. Здесь из пенсионеров Кац и Яковлев. Они служат в миссии, конторщиками. Я устраиваю часовню для Иерусалима. Пишу иконы, режу по дереву, золот(ом) и проч. (Об.) Russia, Петроград, Вас-[ильевский] о[стров], бывш[ая] Академия художеств. Бывш[ему] профессору Василию Евменьевичу Савинскому. Мой адрес: Италия, Roma Corso Umberto I № 4. Studio: Gregorio Maltzef

Дорогой Василий Евменьевич!

Ужасно был обрадован, получив от Миши-Платоши¹⁴ письмо, из котор[ого] узнал, что мое письмо все же дошло до Вас. Адреса Вашего я не знал, как не знаю и теперь. Шлю на Академию, которой, как слышу, не существ. Не погневайтесь, если я попрошу очень Вас сообщить точный Ваш адрес, если Вам не будет неприятно получить от меня, время от времени, весточку. М. Платонов тоже, написав мне письмо, не сообщил своего адреса, а я рад был бы узнать его, чтобы узнать и о прочих друзьях по нашей мастерской – надеюсь быть скорее полезным им, чем обратное. Политики

избегаю, это пока что возможно здесь, занимаюсь и зарабатываю искусством исключительно: живописью и скульптурой отчасти. Моя студия – русский уголок в Риме, посещается многими русскими охотно. Нынешней весной очень затосковал по родине. Старый отец мой там. И серьезно задумал было ехать – но, справившись о положении дел на родине и проч[ем], откладываю поездку мою до лучшего будущего, и за мое желание приехать домой Платоша побранил меня в письме дельно, в оправдание могу сказать только, что желание видеть свое родное место бывает иногда вряд ли слабее желания кушать голодному, особенно нам, здесь не видевшим еще голода, слава Богу. С Вашего позволения, буду писать Вам. Теперь могу посылать с оплаченным ответом открытки, здесь дешевые. Не сердитесь, я послал на Ваше имя пакет съестного, пригодится, здесь все это дешевое. Послал многим моим родным и друзьям в Россию. Как получите, сообщите, буду посылать Вам каждый месяц. Пишите.

Вас уважающий, Г. Мальцев. Привет Вам от жены моей М. Ф. М-ой.

Однако, возвращаясь к моменту приезда Мальцева в Италию, заметим, что самая крупная русская художественная колония образовалась в Риме. Туда в начале 1914 года и направился Мальцев.

Четыре года в Италии! Об этом мечтает, наверное, каждый начинающий художник. Такая поездка дает много впечатлений, закладывает основы будущих творческих поисков, помогает обрести себя. Вероятно, и для Мальцева это путешествие было связано с определенными планами и надеждами. Но им, увы, не дано было осуществиться.

Через его судьбу, как личную, так и творческую, страшной бороздой прошли Первая мировая война и, особенно, Октябрьская революция, сделавшие невозможным возвращение Мальцева в Россию. Все, что было до этого рубежа, очень быстро становится

лишь воспоминанием. На всю жизнь остались в памяти первые месяцы в Италии. После суровой, сырой и холодной северной столицы Италия показалась особенно щедрой на солнце и улыбки, а ее синее небо поражало своей яркостью. Художник и его юная невеста, которую он пригласил с собой, прежде чем остановиться в Риме, решили попутешествовать. Незабываемы страницы этого путешествия: сказочно прекрасная Венеция, воспетая Шекспиром Верона, описанная всеми бывшими в Италии писателями, артистами, художниками; Капри, Сорренто, Помпеи... Уже сами эти названия способны были возбудить воображение молодого художника. Впечатлений, которые он получил, бродя по улочкам, площадям, набережным, любясь прославленными дворцами и храмами, построенными лучшими архитекторами, хватило на долгие последующие годы. А разве можно забыть множество блестящих и так хорошо знакомых по воспроизведениям полотен выдающихся мастеров Ренессанса, наполняющих бесчисленные залы музеев и галерей?! Все это потрясло своей грандиозностью, покоряло красотой и гармонией.

Затем был Рим, где, как думал Мальцев, им предстояло прожить четыре года и где, как оказалось, они остались навсегда. После венчания в Риме молодые поселились сначала в небольшой квартирке на Виа Маргутта, несколько позднее перебрались на Виа дель Корсо – в район, где жили многие русские художники. Здесь, в примыкающем к квартире маленьком ателье, Мальцев работал над эскизами к программным картинам, здесь была написана «Святая Агнесса», которую он так и не сумел отправить в Петербург. Именно сюда он возвращался с набросками, сделанными на старых римских форумах, в катакомбах первых христиан, на знаменитой Аппиевой дороге, помнящей поступь римских легионеров. По ней Мальцев прошел пешком почти до Неаполя. Он очень любил бродить по окрестностям Рима, вглядываться в прозрачные дали и в серовато-зеленые оливковые рощи, словно стекающие с округлых холмов. Его манили разбегающиеся от Рима дороги, где ветер пах травами и морем, где каждый поворот обе-

*Г. Мальцев. Блюдо. Резьба по дереву.
Фото из Арх. семьи Мальцевых.
Публикуется впервые*

шал новые открытия. Особенно хорошо было в феврале, когда зацветал миндаль и трава под деревьями покрывалась бело-розовыми лепестками. Август 1914 года многое изменил в жизни Мальцева: затруднилось сообщение с Петербургом, с большими задержками стали поступать деньги из Академии. Однако до февраля 1917 года художник еще жил надеждами на окончание войны, на то, что рано или поздно все

наладится, нужно только ждать и много работать.

Все надежды молодого художника развеялись достаточно быстро: в России происходили трагические перемены, разрушавшие привычные и традиционные связи. Из опекаемого Академией ученика, за которого решал Совет, Мальцев становится теперь самостоятельным художником. Ему приходится самому пробивать себе дорогу, искать покровителей и заказы, содержать значительно разросшуюся семью. К счастью, в Риме было много меценатов и просто любителей искусства. Многие из них, собирая произведения искусства, особое внимание уделяли русским художникам — эмигрантам, поддерживали их, следили за их судьбами. В центре Рима открылся магазин «Лавка русского искусства», а недалеко от квартиры Мальцева находилась «Русская читальня», где устраивались выставки-продажи и где, как вспоминает дочь художника, «оставшиеся в Риме русские эмигранты могли пообедать буквально за гроши», что было немаловажно. Именно в этой читальне Мальцев, не без помощи знакомых, сумел выхлопотать себе место библиотекаря. Кроме того, он помогал при организации выставок, и эта его работа, отнимавшая массу времени и сил, «была всеми очень ценима».

*Шкатулки с авторскими росписями Г. Мальцева
Фото из Арх. семьи Мальцевых. Публикуется впервые*

В Академии художеств Мальцев обучался в самом престижном классе — классе исторической живописи. Теперь же картины такого рода спроса не имели, и художник был вынужден обратиться к иной деятельности. Он начинает заниматься резьбой по дереву, изготавливает коробочки, ларцы, тарелки; золотит их и расписывает. Как вспоминает Варвара Григорьевна, эти тарелки хорошо раскупались, но посвящать всю жизнь подобной работе? Конечно, Мальцев не мог тогда знать, что резьба по дереву принесет ему в будущем не только интересные заказы, но и известность, буквально европейскую. А пока он с головой уходит в изучение техники резьбы и, одновременно, изучает средневековое русское темперное письмо. Из его мастерской выходят сначала робкие, а чем дальше, тем все более профессиональные иконы. Мальцев точно следует традиции, сохраняет иконографию, технологию, дух. Правда, постепенно он отходит от византийских канонов с их суровой и строгой красотой, склоняясь к греческим образцам. Но и их он воспринимает неполностью, отказываясь от чрезмерной пышности и перегруженности деталями. Все свое внимание живописец сосредотачивает на передаче того духовного потенциала, которым дышат иконы, выполненные русскими мастерами.

К 1921 году имя Мальцева уже достаточно хорошо известно, у него много работы, а заказчиками являются очень сановитые особы. Обратимся вновь к воспоминаниям его дочери, Варвары Григорьевны: «В 1921 году в Рим с визитом приехала великая княгиня Виктория, сестра русской царицы Романовой. Ее сопровождал муж – принц Баттенбергский. Чета эта навестила студию Мальцева, так как слышала о нем много хорошего. Работы художника так понравились Великой княгине, что она заказала резную дверь для часовни в Иерусалиме, где похоронена одна из ее сестер. Сверху на двери была изображена Богородица с покровом. Весьма довольная исполнением, Великая княгиня в 1922 году помогла получить несколько заказов при Английском королевском дворе», – пишет Варвара Мальцева.

Итак, 1922 год. Кажется, признание пришло и будущее обеспечено. Во всяком случае, есть какие-то надежды на его прочность. Надежды есть, но каждый день приносит свои заботы: дорожает наем студии, нужно съезжать, искать что-то новое. Найти квартиру удалось не сразу и далеко от центра. Не правда ли, грустно сознавать, что художник, уже познавший признание, имеющий столь лестные и почетные, но, вероятно, не очень денежные заказы, вынужден радоваться тому, что новое пристанище позволяет иметь дополнительный доход. Маленький кусочек земли, примыкающий к домику, – это огород, это куры, за которыми ухаживает жена, «милая Маруся». Здесь рождаются Марфа и Елена. Детей Мальцев очень любил и уделял им много внимания. Варвара Григорьевна с нежностью вспоминает о совместных прогулках по окрестностям, о «походах» в кино, на Корсо Умберто, что довольно далеко, но зато так интересно по дороге слушать рассказы отца об истории, растениях, о людях, которых он знал. Долгая прогулка казалась мгновенной, и, закончив ее, вернувшись домой, они, переполненные впечатлениями, уже мечтали о новой...

Трудно пока сказать, участвовал ли в эти годы Мальцев на выставках. Первая официально подтвержденная дата – 1925 год, когда художнику было предложено показать свои работы на выс-

*Г. Мальцев. Икона для Курии Иезуитов. Рим.
Фото из Арх. семьи Мальцевых. Публикуется впервые*

тавке в новом здании Дворца искусств. Работа «Плот на Волге», которую он там представил, была сразу же приобретена музеем города Пьяченце, стоящим на реке По, самой большой реке Италии. Своей полноводностью и медлительностью, своим простором она напоминала Мальцеву Волгу. Конечно, может быть, что и до 1925 года художник участвовал в вернисажах, но свидетельств тому пока не найдено.

Размышляя о творческой биографии русского художника Г. Мальцева, волей судьбы оказавшегося в Италии и там оставшегося, понимаешь, что переломным во многих отношениях стал для Мальцева 1926 год. Началось время «больших заказов». Один из них был чрезвычайно интересным и почетным: роспись часовни Иезуитского института в Риме. Художник пишет процессию святых, медленно и торжественно проходящих перед зрителями. Суровая простота образов, лаконичность письма, строгость цветового строя сближают эти фрески с работами византийских масте-

*Деталь гобелена «Св. Владимир» для часовни
Иезуитского института.
Фото из Арх. семьи Мальцевых. Публикуется впервые*

ров – именно их творения вдохновляли Мальцева, служили ему образцом для произведений культового характера.

Конечно, в это же время художник очень много работает и в портрете, так как этот жанр был популярен во все времена: пишет портреты адвокатов, военных, врачей. Может быть, не всегда эти модели были близки ему по духу, но на качестве исполнения это не сказывалось, а судя по тому, что заказов было много, Мальцева не только хорошо знали, но и предпочитали другим. Несколько поправив свои материальные дела, Мальцев воплощает давнишнюю мечту – покупает небольшой кусок земли совсем недалеко от Рима, на знаменитых холмах в Рокко Приори. Это сейчас там толпятся виллы и рестораны, а тогда, в конце двадцатых, долина между холмов напоминала художнику астраханскую степь с пасущимися полудикими лошадьми и криками парящих в небе ястребов. Долина была окружена садами и виноградниками, жили в ней, по большей части, пастухи, а усадьба, что стояла на приобретенной земле, была почти разрушена и всеми забыта. Все здесь волновало воображение художника: и прелесть пейзажа, и прозрачность воздуха, и связь этих мест с античной историей, дух которой как бы витал меж холмов. Какое наслаждение он испытывал, гуляя с этюдником по чуть заметным тропам, с каким азартом писал лица пастухов и крестьян, живописные уголки этого «волшебного и загадочного ландшафта». И как часто случается в провинции, молва о нем разошлась по лежащим вблизи городкам и селеньям. Все чаще и чаще к Мальцеву стали обращаться с заказами. Обычно просили написать портреты, но иногда случались заказы иного качества, например, на алтарные композиции. Он исполнил их для церкви в городке Фраскат, для греческого монастыря в Гроттаферрата, для семинарии на горе Мондрагона.

С каким теплом вспоминают дочери Мальцева об этом времени, вообще о детстве, об отце, который отдавал им все свое время. Великолепный рассказчик, он увлекал их историей Греции и Рима, античными легендами, часто вспоминал о России. Когда дети подросли, Мальцев купил небольшую квартиру в старом квар-

Эскиз иконостаса, вырезанного и расписанного художником в Риме. Фото из Арх. семьи Мальцевых. Публикуется впервые

тале Рима, и каждое воскресенье они вместе шли в бесчисленные музеи древнего города, обязательно заглядывая на Форум и в Коллизей.

Конечно, трудно сейчас, почти не имея документов, не зная и не видя работ, говорить о творчестве художника. Но, пользуясь косвенными источниками, опираясь на воспоминания дочерей, можно утверждать, что к тридцати годам Мальцев был хорошо известен и достаточно популярен в самой широкой среде. В число его заказчиков входили священники, стремящиеся украсить свои приходы, адвокаты, врачи, просто состоятельные люди, для которых он писал портреты. В 1935 году художник получил очень интересное предложение, причем сделать эту работу нужно было

в очень короткие сроки. Заказ состоял из двух частей: он должен был вырезать, вызолотить и расписать иконостас для церкви Св. Антония и, кроме того, украсить две часовни в Центре, где готовили католических миссионеров для России. Мастерской у Мальцева не было, и работ

Г. Мальцев в кругу семьи. Рим.

стал он в одной из комнат своей римской квартиры, где до глубокой ночи горел свет. Работу он окончил в срок, и она была принята с восторгом. По этому поводу Мальцева представили папе Пию XI: честь, которой удостоивается далеко не каждый. Нужно заметить, что зародившиеся в это время связи с миссионерами в дальнейшем укреплялись. И в последующие пятнадцать-двадцать лет именно это общество было официальным заказчиком живописца. Мальцев резал иконостасы и писал иконы для храмов Болгарии, Испании, Соединенных Штатов, Колумбии, Ватикана. В 1939 году был выполнен иконостас для греческой церкви на Мальте, где хранится знаменитая чудо-творная икона Богородицы из Дамаска. Этот иконостас, вырезанный и расписанный Мальцевым, украшает церковь и сегодня, поражая прихожан и туристов пышностью, нарядностью, изысканностью отделки и тщательностью письма. По бокам от Царских врат изображена Мадонна с младенцем и благословляющий Христос, спускающийся на облаках на землю, а над ними – ряд праздничных икон. Бесспорно, работа, проделанная Мальцевым, была огромна и трудоемка, но, по словам дочери художника, она приносила мастеру радость, дарила сердечный покой.

Так случилось, что с островом Мальта у Мальцева был связан еще один, последний в его жизни заказ. Это произошло ровно через десять лет после первого заказа, в 1949 году. Художнику было предложено украсить полуразрушенную во время Второй мировой войны расположенную на острове византийскую церковь. По-

*Иконостас для одной из церквей на острове Мальта.
Работа художника Г. Мальцева.
Фото из Арх. семьи Мальцевых. Публикуется впервые*

что год работал он над этим заказом в своем доме под Римом, в Рокка Приори, а потом поехал на Мальту, чтобы все смонтировать на месте. Воспоминаниями об этой поездке художник жил до конца своих дней. Мальту он называл «волшебным островом». С восторгом рассказывал он о поднимающихся из «лазурных вод» стенах крепости, куполах церквей, причудливых башнях. Залитый ярким солнечным светом, остров казался чудом, сказкой, подаренной художнику в конце жизни. А в домашнем кругу Мальцев еще долго рассказывал о том восторженном приеме, который оказали ему жители Мальты, как почти каждый подходил, чтобы позвать его руку, сказать слова благодарности.

По всей вероятности, Мальцев поддерживал довольно тесные контакты с художниками, особенно русскими, волей судьбы оказавшимися вдали от России. Сохранился небольшой каталог одной их совместной выставки, которая состоялась на вилле ди Порто Пинчиано в Риме. К сожалению, на каталоге не указан год, когда прошла эта выставка, но зато мы можем назвать имена сотоварищей Мальцева, живших и работавших в Риме. Это С. Смольянинов, П. Софронов, К. Фалилеева и В. Фалилеев. На выставке участвовало еще два живописца: Вера Дъ Ангара и Джакомо Джирмуччи. Всего было показано около шестидесяти работ, пять из которых принадлежали Григорию Мальцеву. Уже давно покинул художник пределы России, но память о ней по-прежнему жила в сердце. Вероятно, поэтому из его живописных произведений, написанных в Италии и представленных на выставке в Риме, три работы связаны с Волгой: «Плот», «Город на Волге», «Казачи на Волге». Сведений о двух последних

*Каталог выставки
с участием работ Г. Мальцева*

*Картон к картине «Сарынь на кичку».
Фото из Арх. семьи Мальцевых.
Публикуется впервые*

полотнах пока не найдено, а вот картина «Плот» (холст, масло. 93х93, справа внизу подпись художника), приобретенная в свое время городским музеем города Пьяченца, упоминается в изданном в Италии в 1967 году справочнике Ф. Аризи «Галерея современного искусства».

Там же приводится, правда, очень скромная, справка о жизни Мальцева. К сожалению, трудно судить о характере этого издания, но то, что художником интересовались специалисты, что в специальных исследованиях помещались воспроизведения его полотен, говорит, что искусство Мальцева было замечено современниками, что оно привлекало их внимание.

Более того, некоторым произведениям Мальцева выпала странная судьба. Так, например, еще в 1934 году по заказу маркизы Фумазони Бьонда художник написал икону Божьей Матери с младенцем. Строгая и чуть суровая, она во многом дает традиционную на Руси трактовку образа. В том же году эта икона была подарена маркизой в храм Святой Марии дел Пескаторе в Портоново. Лаконичные и сдержанные формы храма, четко очерченные полуциркульные арки сводов и боковых нефов, опирающиеся на несколько тяжеловатые стволы колонн, чистые, беленые, лишенные каких-либо фресок плоскости стен, светлый алтарь. В центре него, на скрещении солнечных потоков, льющихся из боковых окон апсиды, – единственное и главное украшение храма, его сердце – икона Божьей Матери, написанная Мальцевым. Православная по духу – в католическом по форме храме! Сочетание это производит удивительное, если не потрясающее впечатление. Однако история на этом не заканчивается. В 1991 году в выходящем в Риме

*Художник Г. Мальцев в окружении своих работ.
Фото из Арх. семьи Мальцевых. Публикуется впервые*

«Воскресном вестнике» была помещена статья Тонино Герры об Андрее Тарковском. В ней, в частности, рассказывалось об удивительном случае, происшедшем с всемирно теперь известным режиссером во время его путешествия по Италии. Маршрут поездки сложился так, что привел Тарковского, мучительно искавшего тогда финал для «Ностальгии», в небольшой приморский городок Портоново. Там, в строгом светлом храме, пропахшем свежим морским ветром, он увидел вдруг икону Владимирской Божьей Матери. Встреча с ней была воспринята режиссером как приветствие из далекой России. Таким образом, произведение Мальцева стало мостиком, соединившим времена и страны. Оно утешило и ободрило истомившегося в исканиях Андрея Тарковского. В память об этой светлой встрече, об увиденной иконе, Тарковский увез с собой из Портоново небольшой белый камень, найденный им там же на берегу моря. Теперь, говорят, этот камень лежит на его могиле.

В годы Второй мировой войны Г. Мальцев продолжал жить и работать в Рокка Приоро. Заказов было немного, но продержаться помогла земля, которую художник сам обрабатывал, выращивая почти все, что нужно было для семьи. Его старший сын, Никита, был на фронте, младший, Павел, учился в Риме, а Варвара и Марфа – с отцом. По окончании войны жители Рокко Приоро в знак своей благодарности Божьей Матери, сохранившей их, попросили Мальцева сделать большой гобелен, на котором была бы изображена Богоматерь и молящийся солдат на фоне битвы. Позднее этот гобелен был подарен в храм Дивино Аморе (Божественной любви) в окрестностях Рима.

Григорий Мальцев, проживший долгую, наполненную творческими поисками жизнь, скончался в 1953 году в небольшом городке Сполетто. Там жил его старший сын, врач местного госпиталя. Похоронен он там же, в часовне семьи сына. Варвара Григорьевна Мальцева, заканчивая свои воспоминания об отце, пишет, что кладбище это расположено в красивейшем месте, «между оливковых рощ и виноградников». Имя Мальцева, волей судьбы ото-

рванного от Родины, вошло в «Список русских художников, работавших за границей».

Наши знания о судьбе русского художника Григория Павловича Мальцева ни в коем случае нельзя назвать полными. Это лишь первая попытка обобщить разрозненные сведения, выстроить примерную схему основных этапов развития его творчества, определив опорные, наиболее значимые произведения. Большая часть использованных материалов была любезно предоставлена семьей Мальцева, и сегодня живущей в Италии. Это его дети и, прежде всего, дочери – Варвара и Марфа. Бесконечно любящие отца, они хранят все, что так или иначе связано с ним: документы, фото, каталоги, газетные вырезки и, конечно же, его работы, разбросанные по всей Италии. Варвара Григорьевна не только прислала мне редкие фотографии, но и написала, а затем перевела на русский язык свои воспоминания об отце, которые и послужили отправной точкой в исследовании творчества художника. С глубокой признательностью и благодарностью мы публикуем эти воспоминания, дополнив их письмами Марфы и Варвары Мальцевых, отправленными в 1990–2002 годах из Италии в Астрахань.